

Глава 1

Второй месяц года — время, когда молодая рассада риса набирает силу. Весь будущий урожай зависит от этого небольшого, но бесценного участка залитого водой поля, именуемого рассадником.

Именно сейчас у такого рассадника, на окраине деревни Ваньцзяба, разворачивалось шумное действие.

— Это не я его толкнул! — терпеливо объяснял Лю Цишуан, обращаясь к Вань Дунъяну, хотя внутри у него уже всё кипело. — Когда я подошёл, он уже стоял на твоём поле. Я всего лишь попросил его не топтать рассаду, а он сам плюхнулся в воду и помял всходы. Я тут ни при чём!

Он не виноват. Так с какой стати ему извиняться?

Заметив старшего гэра семьи Ван на чужом поле, Лю Цишуан не смог пройти мимо. Тётушка Вань всегда была к нему добра, и он не хотел, чтобы её труды пропадали даром, потому и окликнул его.

Но он и представить не мог, что одно-единственное замечание обернётся перепалкой. Ван-гээр тут же принялся язвить, обвиняя его в том, что он лезет не в своё дело, будто уже возомнил себя хозяином в доме Вань и чуть ли не навязывается им в родню, хотя на него там никто и не смотрит.

Для людей, кормящихся от земли, зерно — святыня. Лю Цишуан сделал бы замечание, даже если бы поле принадлежало не семье Вань. Упрёки Ван-гэра были совершенно несправедливы, и он уже собирался возразить, как тот, словно обезумев, вдруг рухнул прямо в грязь.

И тут же, завидев приближающегося Вань Дунъяна, принялся громко причитать, изображая из себя невинную жертву и утверждая, что это Лю Цишуан толкнул его в воду.

Вань Дунъян нахмурился. Он уже было склонялся к тому, чтобы поверить словам Лю Цишуана, но гээр в поле тут же запротестовал:

— Как у тебя только совести хватает? Врёшь и не краснеешь! Сам я сел в воду? Ты хоть знаешь, какая сейчас погода? Вода в поле ледяная, кости ломит! Что ж ты сам сюда не лезешь?

После слов Лю Цишуана, а теперь и этого выпада, Вань Дунъян наконец понял, что произошло.

Два гэра поссорились, и один из них каким-то образом очутился в воде. Теперь каждый стоял на своём: тот, что на тропинке, утверждал, что второй сам сел в грязь, а тот, что в поле, — что его толкнули.

Какая досада!

— Хватит! Ты что, корнями в землю врос? А ну поднимайся! — глядя на испорченную рассаду, Вань Дунъян едва сдерживал раздражение. Но этот парень приглянулся его дяде, так что приходилось проявлять сдержанность и не перегибать палку.

Однако Ван-гээр не только не собирался вставать, но и тут же наполнил глаза слезами, готовый вот-вот разрыдаться.

Вань Дунъян терпеть не мог, когда из-за пустяков поднимали рёв. Не удостоив плаксу больше ни единым взглядом, он повернулся к Лю Цишуану:

— Извинись перед ним, и на этом закончим.

— Я не толкал его! — видя, что Вань Дунъян поверил Ван-гэру, Лю Цишуан больше не мог сдерживать обиду, захлестнувшую его. Нос защипало, в голове помутилось, и руки сами собой дёрнулись вперёд.

Лишь когда всё уже случилось, он в ужасе осознал, что натворил.

Он не толкал Ван-гэра. Он столкнул в воду Вань Дунъяна.

Деревня, в которой жил Лю Цишуан, называлась Ваньцзяба. Расположенная у подножия большой горы, на ровной местности, с широкой рекой, протекающей перед ней, она и получила своё название, означавшее «Дамба семьи Вань».

В четырёх-пяти ли от деревни находился большой посёлок, где базарными днями были второй, пятый и восьмой день каждой декады. Сегодня, в двадцать пятый день второго месяца, как раз был базарный день, и к полудню люди уже начали возвращаться домой.

Так что, если никто и не видел, толкал ли Лю Цишуан Ван-гэра, то теперь несколько пар глаз стали свидетелями того, как он отправил в грязную воду Вань Дунъяна. Сбежать ему не удастся.

Лю Цишуан тут же пожалел о содеянном. Он знал, что сегодня его ждёт двойная порка.

С Вань Дунъяном лучше было не связываться, и это знал каждый в деревне. Он не уважал старших, не жалел младших и даже на родных дядьёв мог поднять руку — одним словом, сущий разбойник, которого следовало обходить стороной.

Лицо Вань Дунъяна почернело. Некоторое время он стоял неподвижно, а затем медленно поднялся.

— Братец Вань, помоги мне, — протянул к нему руку Ван-гээр, всё ещё сидевший в воде. На его лице играла лёгкая улыбка — видимо, он считал, что справедливость восторжествовала и за него есть кому заступиться.

— У тебя что, костей нет, сам встать не можешь? — свирепо зыркнул на него Вань Дунъян, не обращая внимания на залившееся краской лицо парня. В несколько движений он выбрался на тропу и устремил сложный взгляд на застывшего Лю Цишуана.

Тот снова был в замешательстве. Он не ожидал, что Вань Дунъян так грубо ответит Ван-гэру. Будучи несправедливо обвинённым, он решил, что Вань Дунъян просто запал на красоту Ван-гэра и потому поверил ему и встал на его сторону.

Но оказалось, что и к нему он относится не лучше.

Возможно, Вань Дунъян действительно переживал лишь за свою рассу. От этой мысли Лю Цишуану стало немного легче.

Глядя на промокшего до нитки Вань Дунъяна, с головы которого стекала грязная вода, Лю Цишуан понимал, что порки ему сегодня не избежать. Он боялся, но не так сильно, как раньше. Ну, побьют, так не до смерти же.

А пока он жив, он ничего не боится.

— Ах ты, паршивец! Что ты творишь?! Опять в неприятности влез! — раздался вдалеке женский голос. Прибежала мать Лю Цишуана.

Её звали Лю Цунсян. Подбежав, она без лишних слов набросилась на сына с кулаками. Лю Цишуан не успел увернуться, и ему досталось несколько раз.

Нанося беспорядочные удары по голове сына, Лю Цунсян отбила себе ладони, что разозлило её ещё больше. Она уже замахнулась, чтобы ударить его по лицу, но её руку перехватили.

Вань Дунъян схватил Лю Цунсян и оттащил её в сторону. Такого поворота не ожидал никто. Все думали, что Вань Дунъян как минимум задаст Лю Цишуану хорошую трёпку, но он, напротив, не позволил его даже родной матери тронуть.

— Наверное, из-за Чанцина. В последнее время эта парочка так и вьётся вокруг него, — прошептал кто-то.

Вань Чанцин, о котором шла речь, приходился Вань Дунъяну двоюродным дядей, но, будучи ровесниками и имея схожие характеры, они дружили так крепко, словно были родными.

— Точно. Если всё получится, Вань Дунъяну придётся называть его младшей тётушкой. Вот и приходится проявлять уважение.

Тихий шёпот тут же подхватили остальные.

Все с усмешкой посмотрели на мать и сына Сюй, решив, что те проявили недюжинную смекалку, решив через брак присоседиться к семье Вань и поправить свои дела.

Стоит сказать, что в Ваньцзяба эту пару недолюбливали, и всё из-за Лю Цунсян.

Она была местной, а муж её — примаком, зятем, живущим в доме жены. Но она до беспамятства потакала ему во всём, отдав ему в руки всё хозяйство и позволив верховодить в доме Лю. В итоге односельчане стали называть её «тётушка Сюй», а её сына — «гээр Сюй».

Несколько лет назад, видя, как их обижают, жители деревни пытались вразумить этого Сюя, но женщина вместо благодарности упрекала их в том, что они лезут не в своё дело и обижают её мужа. Постепенно все махнули на них рукой. Это их семья, и пусть они сами разбираются. Зачем навязываться и нарываться на неприятности?

Жаль было только её сына. Такой милый был ребёнок, а теперь вырос — худой, как обезьянка, маленький и молчаливый, словно немой.

Но и это было бы полбеды. Он, похоже, пошёл в мать — такой же навязчивый. В столь юном возрасте уже беззастенчиво ищет себе мужа, неизвестно только, позарится ли кто на него.

<http://bllate.org/book/13415/1194060>